

Особенности коммуникативного поведения в русской и калмыцкой культурах (на материале паремий русского и калмыцкого языков)

Одним из основных предметов исследования в сфере межкультурной коммуникации в последнее время является изучение коммуникативного поведения различных народов в сопоставительном плане. На повестку дня чаще всего ставится вопрос об изучении доминантных особенностей, характеризующих коммуникативное поведение того или иного народа. «Под доминантными особенностями общения понимаются такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуациях, то есть в идеале – вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д.» [14: 159]. Знание национально специфических (доминантных) и универсальных особенностей общения, понимание причин различий в коммуникативном поведении позволяет не только лучше понять другой народ, но и самих себя, что способствует взаимопониманию людей в целом.

Разработка универсальных принципов организации речевой деятельности принадлежит Г. П. Грайсу, разработавшему принцип кооперации (или сотрудничества), который позднее был дополнен максимами вежливости Дж. Лича. Дж. Лич полагал, что именно из соображений вежливости нарушается принцип кооперации Грайса [18: 65]. Принципы общения Грайса и Лича нашли продолжение в лингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона. В основе теории лежит положение о том, что ведущим мотивом в речевой деятельности лежит желание «сохранить лицо». Авторы полагают, что речевую деятельность любого народа определяют желание свободно совершать действия и не подвергаться давлению со стороны, с одной стороны, и желание получить одобрение, с другой [19: 62].

В настоящей работе сделана попытка выявить универсальные и национально специфические доминантные особенности русского и калмыцкого коммуникативного поведения, отраженные в паремиях данных народов, в их соотношении с основными лингвопрагматическими принципами речевого поведения (принцип кооперации Г. П. Грайса, принцип вежливости Дж. Лича и лингвистическая теория вежливости П. Браун и С. Левинсона). В качестве материала исследования были использованы сборники русских и калмыцких пословиц и поговорок. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ правил речевого поведения, отраженных в русских и калмыцких паремиях, с указанными постулатами лингвопрагматики. Как будет показано ниже, коммуникативное поведение русского и калмыцкого народов имеет как общие, так и специфические черты.

Так, рассматривая максимы кооперации Г. Грайса в русских и калмыцких паремиях, мы обнаружили, что в обеих культурах отражена

максима качества (не говори того, что ты считаешь ложным, и того, для чего у тебя нет достаточных оснований) [3: 222-223]. Для коллективистских культур, к которым относятся русские и калмыки, большое значение имеют такие коммуникативные ценности, как правда и искренность. Как русский, так и калмыцкий народ осуждает ложь и сплетни: *Вранье не введет в добро* [4: 128]; *Ложь на тараканьих ножках (того и гляди подломятся)* [4: 128]; *Не из чести переносят вести (сплетни)* [11: 216]; *Худл хуурмг үг, олн амтн дунд ьагтш уга. 'Ложь и обман в народе не прививаются'* [16: 532]; *Худлд үнн уга, ховд сэн уга. 'Во лжи нет правды, в клевете – добра'* [16: 533].

Однако в паремиях русского и калмыцкого языков, отражающих максиму количества Г. Грайса, находим противоположные рекомендации для обеих культур [3: 222-223]. Как известно, эта максима гласит, что высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется. Для калмыцкой культуры характерна недосказанность, считается, что лучше предоставить собеседнику меньше информации, чем сказать лишнее: *Үгиг үлү келчкэд, татхнь хату, тату келчкэд, күцэхнь санана. 'Скажешь лишнее – вернуть трудно, недоскажешь – дополнить (добавить) легко'* [16: 268]; *Уйдлын батнь – шагласн, үгин батнь – медхив. 'Самый крепкий шов – строчка, самое верное слово – не знаю'* [16: 269]; *Икэр мед, баһар кел. 'Много знай, мало говори'* [16: 319].

Картина, представленная в русских паремиях, не столь однозначна. С одной стороны, русские не любят говорить «не знаю» [8: 213] в отличие от калмыков, которые придерживаются правила «лучше сказать «не знаю», чем «знаю». На этот счет есть калмыцкая пословица: *Меднэв гисн хойр үг, медхив гисн нег үг. 'Сказать «знаю» - требует много слов, сказать «не знаю» - одно слово'* [16: 266]. Для русского коммуникативного поведения характерно общение на любые темы, готовность обсуждать разные вопросы и потому высокая информированность, искренность и словоохотливость даже в разговоре с малознакомыми людьми. Приведем примеры соответствующих паремий: *Говорить, так договаривать; а не договаривать, так и не говорить* [11: 64]; *Заговорил, так надо договаривать* [11: 103].

В то же время в русском паремиологическом фонде присутствуют паремии, отражающие необходимость осторожного обращения со словом, которое может привести к недосказанности в общении: *Лучше недосказать, чем пересказать* [11: 167]; *Лучше оступиться, чем оговориться* [11: 167]; *Не то мудрено, что переговорено, а то, что недоговорено* [11: 227]. В русской культуре ценится бережное обращение со словом, которое может ранить собеседника, причинить неприятности как говорящему, так и окружающим: *Лишнее говорить – себе вредит* [11: 165]; *Лишнее слово в досаду вводит* [11: 165]. Такое же отношение к слову находим в калмыцких паремиях: *Нуувчин юмиг герэн һурв эргчкэд кел. 'О тайном надо говорить, обойдя дом три раза (т. е. быть осторожным)'* [16: 558]; *Нуух үгиг һурв эргчкэд келдг. 'Секретные слова говорят, обойдя ютру трижды'* [16: 558].

Совет быть немногословным, по-видимому, является своего рода универсалией для фольклорных правил речевого этикета. Как отмечал Ю. В.

Рождественский, пословицы различных народов мира содержат указания на преимущества слушания перед говорением и возможную значимость молчания. За этими рекомендациями стоит представление о силе и потенциальной опасности слова для самого говорящего, который неправильными речевыми действиями может нанести ущерб самому себе, а также окружающим [10: 37].

Максима количества Грайса связана с максимой способа (выражайся ясно, то есть избегай непонятных выражений, неоднозначности, будь краток, будь организован) [3: 222-223]. Так, в калмыцкой культуре ценится краткость, так как считается, что: *Үгин ахрнь сэн, кергин шулунь сэн*. 'В речи хороша краткость, в деле – быстрота' [16: 270]; *Үгин ахрнь сэн, үкрин олнь сэн*. 'Речь лучше краткая, а скот – многочисленный' [16: 270]; *Үгин цөнь сэн, цөн үгин товчтань сэн*. 'Хорошо, когда слов немного, а из немногих хороши точные' [16: 271].

В русской культуре краткость не относится к основным коммуникативным ценностям общества. Скорее, человека, говорящего лаконично, посчитают неразговорчивым, необщительным. Отрицательно относятся русские к излишнему молчанию, так как считается, что такой человек скрывает или задумывает что-то неладное, неискренен, и его надо остерегаться: *Молчан-собака да тихий омут опасны* [11: 184]; *Молчан-собака из-под подворотни хватает* [11: 184]; *Молчать, так и дела не скончатъ* [11: 184]. Это негативное отношение к молчанию можно объяснить высокой степенью коллективизма, соборности русского народа. Соборность вместе с духовностью, патриотизмом, искренностью и эмоциональностью выделяют в качестве основных ценностей русской культуры многие исследователи [8:100; 13:43; 15: 85].

Соборностью, вероятно, можно объяснить особое положение речевого акта *совет* в русской культуре. Хотя совет является речевым актом, угрожающим потерей лица адресата, в русской культуре совет традиционно воспринимается не как вторжение в личную жизнь, а как помощь. Многие русские пословицы поэтому учат внимательно относиться к полученным советам и следовать им. Такое отношение к советам находим в следующих паремиях: *Всякий совет к разуму хорош* [11: 55]; *Где совет, там и свет* [11: 66]; *Людей не слушать – в добре не жить* [11: 170]; *Кто не слушает советов, тому нечем помочь* [11: 151]. Сопричастность и взаимопомощь, высокая степень коммуникативной вовлеченности, открытость и эмоциональность объясняют широкое распространение речевого акта *совет* среди русских [1: 49].

Желание русского человека помочь советом проявляется также в такой черте русского коммуникативного поведения как регулятивность. Регулятивность, как отмечает И. А. Стернин, выражается в том, что русские люди довольно часто и в разных ситуациях пытаются регулировать поведение окружающих людей, как знакомых, так и незнакомых, детей (своих и чужих), делая замечания, предъявляя определенные требования, советуя, как правильно или лучше поступить [14: 198].

Н.Н. Германова объясняет широкое распространение речевых актов, угрожающих потерей лица адресата (просьба, совет, замечание) в русской культуре особенностями русского национального менталитета. По ее мнению, русский речевой этикет, во-первых, направлен на сохранение позитивного лица, даже в ущерб негативному, во-вторых, говорящий озабочен, прежде всего, своим лицом, нежели лицом собеседника [2:106].

Несмотря на то, что обе исследуемые культуры являются коллективистскими, в калмыцкой культуре не наблюдается частого употребления такого речевого акта, как замечание, поскольку калмыцкое коммуникативное общение ориентировано на сохранение лица собеседника. Делать замечания, особенно незнакомым людям, противоречит одному из основных качеств калмыцкого характера – скромности. Такого человека осуждают и считают высокомерным: *Күүнэ эндү үзхлэрн эврәннь эндүһән үзх кергтэ*. ‘Прежде чем заметить чужие ошибки, найди ошибки у себя’ [16:561].

Вместе с тем, обращение за советом в калмыцкой культуре одобряется. Советоваться и просить совета означает признавать себя частью общества, в котором проживаешь, что указывает на коллективизм, уменьшение дистанции между членами общества, а, следовательно, и на преобладание коллективных интересов и ценностей: *Келцэж йоввл седкл сээхн, кичэж йоввл суртл сээхн*. ‘Делиться и советоваться – для души хорошо, быть прилежным и усердным – для нравственности хорошо [16:236]; *Бүгдэрн зөвлөл, буру уга, бүлэн усар уһавл, кир уга*. ‘Если все будут советоваться – не произойдет ошибки, если мыть теплой водой – не будет грязи’ [16:294]. Однако в калмыцкой культуре совет рекомендуется давать, только если об этом попросили.

Русская и калмыцкая культуры различаются по отношению к речевому акту *просьба*. Так, в калмыцких паремиях находим запрет на просьбу: *Сурсн му, сурсиг эс өгсн үлү му*. ‘Просить плохо, но не дать того, что просят, еще хуже’ [16:461]; “*Ас*” *гиснэс “ав” гисн деер*. ‘Чем говорить «дай», лучше сказать «бери»’ [16:344]; *Сурхла му, сурсиг эс күцэсн – даву му*. ‘Просить плохо, но не удовлетворить просьбу еще хуже’ [16:461]. Под просьбой в калмыцкой культуре чаще всего понимается долг, займ, что ограничивает свободу просящего. Просьба и унижает человека (он признается в своей слабости, угроза позитивному лицу), и ограничивает его свободу действия раз это долг, займ (угроза негативному лицу). С другой стороны, она ограничивает свободу действия собеседника (он должен помочь, что может не входить в его планы). При этом отказ в просьбе осуждается, так как считается невежливым и нетактичным отказать человеку в просьбе (то есть отказать взять на себя затраты, по Личу).

В то время в русских паремиях мы находим совершенно противоположные рекомендации. В русской культуре просьба не получает негативной оценки, отказ в просьбе не осуждается: *Спрос не грех, отказ не беда /Попытка не пытка (или: не шутка), а спрос не беда* [4: 152]; *Спрос в карман не лезет и карман не трет* [11: 293]; *Отказ не обух, шишек на лбу не*

будет [11: 249]. Как видно из примеров, в русской культуре в том, что касается просьбы и реакции на нее, говорящий не проявляет излишней обеспокоенности заботой о собственном лице и лице собеседника.

Одинаковое отношение находим к комиссивам, то есть таким речевым актам, как *клятва, обещание*. В калмыцкой культуре высоко ценится умение сдерживать данное обещание: *Үг бичэ өг, өгсн хөөн үгэр бэр*. 'Не давай слова, но если дал, то сдержи его' [16: 262]; *Үг өгэд үг авч, үс өгэд көрң авх*. 'Дать слово и взять назад (отказаться), дать молоко, а взять закваску' [16: 265]. Данные паремии отражают ценность слова в калмыцкой культуре. Умение сдерживать слово особенно ценится среди мужчин: *Теесн мөрн тер һазртан күрхлэ сэн, Тишгнэв гисн залу тер үгдэн күрхлэ сэн*. 'Хорошо, когда конь достигнет места назначения, хорошо, когда мужчина держит данное слово' [16: 23]. Сдерживать слово, обещание для калмыков означает не ударить в грязь лицом, сохранить свое позитивное лицо.

Особенности русских и калмыцких паремий, регулирующих речевое поведение, можно, видимо, объяснить, тем, что русская и калмыцкая культура относятся к разным культурным типам. Так, русская культура является коллективистской, и соответствующий ей тип общения позволяет не задумываться о манерах, вести себя естественно, говорить прямо и обо всем, свободно проявлять эмоции, вмешиваться в жизнь других и находить при этом у них полное понимание. Калмыцкую культуру, вероятно, можно охарактеризовать как коллективистическую с индивидуалистическими чертами. Об индивидуализме калмыков пишет С. Минаев, который указывает, что калмыцкий индивидуализм проявляется в стремлении к оригинальности, в желании выделиться на фоне других, обратить на себя внимание, т. е. он артистичный [20].

Различия между культурами также наблюдаются по критерию Г. Хофстеде, который выделяет культуры с высоким и низким уровнем избегания неопределенности, характеризующим уровень готовности к риску [17: 380]. Так, калмыцкую культуру можно отнести к культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, в которых ценятся традиции и устои, следование установленным правилам поведения. Напротив, для культур с низким показателем избегания неопределенности, к которым можно отнести русскую культуру, характерно проявление личной инициативы, приемлемость риска, восприятие изменений и новых идей, принятие иных точек зрения.

Как следствие, в калмыцкой культуре наблюдается заметная разница в типе взаимоотношений между «своими» и «чужими». Отношения со «своими» отличаются большей близостью, с «чужими» – большей холодностью и формальностью. Отсюда недоверие «чужим» и сдержанность в общении: *Таняд уга мөрнэ ардаснь бичэ өөрд, таняд уга күүнд ухаһан бичэ медул*. 'К неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений' [16:225]; *Таньдгиннь мөр унна, итксэндэн үг келнэ*. 'Садятся на коня, которого знают, говорят слова человеку, которому доверяют' [16:263].

В контексте нашего исследования представляется полезным обратиться также к типологии культур Р. Д. Льюиса, предложившего деление культур на моноактивные, полиактивные и реактивные [7: 71]. Несмотря на то, что Льюис писал об особенностях делового общения, его типологию можно распространить на коммуникативное поведение в целом.

Определив русскую деловую культуру как полиактивную, то есть исключаящую строгую приверженность планам и графикам, Р. Льюис подчеркивал, что российская деловая культура по типу делового поведения ориентирована, прежде всего, на сохранение хороших отношений с партнером как гарантию успешной сделки и нацелена на конечный результат и эффективность [7: 317]. Для полиактивных культур, как указывает Льюис, характерны общительность, словоохотливость, эмоциональность, ориентированность на людей, планирование в общих чертах [7: 70], что совпадает с чертами коммуникативного поведения русского народа. К сходным выводам приходит и А.В. Сергеева, которая объясняет особенности поведения русских (например, необязательность при выполнении обязательств) настроением, эмоциями, субъективными переживаниями в личной жизни, которые определяют для русского человека приоритетность выполнения задач [13: 185].

Калмыцкую культуру по классификации Льюиса можно отнести к реактивным культурам, представители которых, прежде чем взяться за что-либо, слушают собеседника. Носители реактивной культуры интровертны, не доверяют многословию. В реактивных культурах, указывает Льюис, предпочтительным способом общения является монолог – пауза – размышление – монолог [7: 73], что соответствует особенностям коммуникативного поведения калмыков.

Общие черты русской и калмыцкой культур объясняются, видимо, тем, что русская культура «находится на перепутье между Западом и Востоком, но в базовых своих чертах – коллективистской направленности, в частности, - тяготеет к Востоку» [15: 113]. В русской и калмыцкой культурах совпадают ценности, характерные для коллективистских культур: взаимозависимость и взаимопомощь, самопожертвование, привязанность к дому, к родным местам, скромность, уважение к старшим и даже их почитание, соблюдение иерархии [6: 20]. Вместе с тем, надо отметить, что само деление культур на коллективистские и индивидуалистические является самым общим и потому недостаточно детализированным. Так, в национальном характере калмыков переплетаются коллективистские ценности и индивидуализм, который проявляется в честолюбии, желании выделиться на фоне других, в стремлении к оригинальности [20].

Таким образом, русская и калмыцкая культуры, принадлежащие к разным культурным типам, имеют как общие, так и специфические особенности коммуникативного поведения, включающие в себя черты позитивной и негативной вежливости. При этом калмыцкому и русскому коммуникативному поведению присущи стратегии сближения. Это подтверждают совпадающая в обеих культурах максима качества Г. Грайса и

максима скромности Дж. Лича. Но в отличие от калмыцкой культуры, в которой этикет ориентирован на сохранение позитивного лица адресата, иногда даже в ущерб собственному позитивному лицу, в русской культуре говорящий в большей мере озабочен сохранением собственного позитивного лица.

Литература

1. Архипенкова А. Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативных культурах: Дис. канд. филол. наук. М., 2006. – 193с.
2. Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета // Сборник научных трудов. – М. – 1996. – Выпуск 432. – С.105-117
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Выпуск 16. – С. 217-237
4. Даль В. И. Пословицы русского народа М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 736с.
5. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 736с.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М., 2009. – 512с.
7. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Дело, 2001 – 448с.
8. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 3-е изд., испр. – М.:Флинта: Наука, 2007. -328с.
9. Пюрбеев, Г. Ц. Речевой этикет и язык жестов у монголов и калмыков//Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР, Москва: Наука, 1982. – С.117-123
10. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979.224 с.
11. Русские пословицы и поговорки /под ред. В. Аникина – М.:Худож. лит., 1988. – 431с.
12. Сергеева А. В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность 4-е изд., испр — М.: Флинта Наука, 2006. — 320 с.
13. Сергеева А. В. Какие мы русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере - М.: Русский язык. Курсы. 2006 – 336с.
14. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Изд-во ВГУ 2001 – 227с.
15. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: М.: СЛОВО, 2008 – 344с
16. Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 839с.
17. Geert Hofstede Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions, and organizations across nations 2nd edition SAGE Publications, USA, 2001. 597p.
18. Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics, Longman Group Limited, New York, 1983 – 250p.
19. Penelope Brown, Stephen Levinson. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1988. 345p.
20. <http://www.nutug.ru/kulitura/minaev7.htm> - Минаев С. Национальный характер калмыков